

**«Общественная позиция»
(проект «ДАТ» № 15 (52) от 14 апреля 2010 г.**

СМЫСЛ ВОЛЬНЫХ СТРОК

Герольд БЕЛЬГЕР
ПЛЕТЕНЬЕ ЧЕПУХИ
(ТЕТРАДЬ ВОСЬМАЯ)

Показывают по ТВ («Хабар») фрагменты правительственного заседания. Атмосфера накаленная, гнетущая. Высокие господа, благодетели народа, сидят, понуро свесив головы, и нервно ерзают. Вид у них бледный, виноватый, смиренный. Елбасы в явном раздражении, в гневе. Он обрывает мямлей, не желает слушать пустопорожние слова, строго спрашивает, куда подевались деньги, выделенные государством банкам, почему никто ничего не контролирует, никто ни за что не отвечает, у всех только готовые ответы-отговорки, а конкретного дела нет. Сидят и ждут откат, бонусы, премии. Нет ни требовательности, ни строгости.

Я понимаю Елбасы. Разделяю его гнев и возмущение. Действительно, дела швах, всюду развал, разруха, разгильдяйство, беспредел. Президент это чувствует, но это их не волнует, не трогает, не колышет. У них на уме – это видно по лицам – совсем другое. Телевизионная камера все четко фиксирует. Для большинства такие понятия, как Казахстан, родина, независимость, благосостояние народа, честь и достоинство государства, высокие гражданские порывы – пустой треп. Они руководствуются совсем иными понятиями и представлениями.

Они (не все, конечно) прежде всего чиновники, притом серые-серые, угодливые и циничные, пустоболты, лишённые напрочь какой-либо инициативы. Им немного неловко, что Шеф раздражен и возмущен. Но знают: буря пройдет. Все пойдет по прежней колее. По их лицам можно читать: «Мели, Емеля, твоя неделя». А кадры чьи? Откуда они взялись? Не с неба же свалились! Кто их воспитал такими? Кто усадил в высокие кресла? За какие такие заслуги? И какой с них спрос, с этих рабских душонок?

То-то и оно! Зри в корень!

Смотреть на этот шоу-спектакль тошно.

А камера скользит по рядам оробевших знатных чиновников. Сидят плотными рядами, точно в стаю сбились. И все друг на друга похожие, будто манекены. Сколько ни смотри, и личностей среди них – раз-два, и обчелся. Тусклая публика, тусклая. Бишаринцы! Сорлыбаюшки! Но – сила! Попробуй – тронь! Самому Елбасы с этой серой силой не сладить. Неужто Казахстан так обезлюдел? Неужто земля казахская так оскудела? Нет, конечно! Есть личности-азаматы с горячей кровью в жилах, с огнем в глазах, с благородством в сердце! Их куда-то отторгли на обочину бытия. Значит, не возмущаться надо, а пригласить Геракла, дабы почистил авгиевы конюшни.

Елбасы предлагает: выделили банкам государственные деньги, тут же необходимо послать комиссии из финполиции и КНБ, чтобы проследили-проконтролировали, куда ушли народные деньги. Но... беда ведь в том, что и в

финполиции, и КНБ сидят те же самые пысыкаи-ловкачи, которые не о Казахстане пекутся, а преимущественно о собственном карыне-брюхе. Они ведь тоже желают что-нибудь отщипнуть от общего курдюка. Так какой же выход? Как сладить с этой многоголовой коррупционной гидрой? Необходимо отыскать в государстве сотню порядочных и честных людей, которые с помощью президентской булавы-дубины вышибли бы из седла хотя бы полсотни самых отъявленных барымтачей. И тогда мелкое жулье мигом подожмет хвост. Ей-ей, по-другому уже ничего поправить невозможно. У казахстанцев кровь вскипает в жилах, когда они видят подобные правительственные заседания. Стыдобушка на всю страну.

Эта тема – продуктивность писательского труда – постоянно привлекает мое внимание. Мало должен писать писатель или много? Что значит продуктивность, плодовитость? Грибоедов написал одну драму – «Горе от ума» – и прославился на века. Гете написал более ста томов, и, конечно, писатель продуктивный. Все, что написал Абай, вмещается в один том. А по творческому заряду он тоже продуктивен. У него словам тесно, а мыслям просторно. Когда говорим о плодovitых писателях, на ум сразу приходят Александр Дюма-старший, Оноре де Бальзак, Чарльз Диккенс, Эмиль Золя, Лев Толстой, Агата Кристи. Они создали многотомники, а по тиражам – многомиллионники. Примеров много.

Из казахских писателей кто плодovit? Мухтар Ауэзов, Сабит Муканов. Из современников моих по 15–20 томов «накатали» Кадыр Мырза-Али, Дукенбай Досжан, Абиш Кекилбай, Мухтар Магауин, Софы Сматай, Кабдеш Жумадил... кто еще? Может, не все их творения достойны внимания, но то, что они трудяги, – бесспорно. Неплохо потрудился на ниве писательства и Абдижамил Нурпеисов. По объему написал он за долгую творческую жизнь немного – семь-восемь томов. Но если учесть, что свои трилогию и диологию он переписывал – правил – совершенствовал – редактировал – добавлял – сокращал – мурыжил более шести десятков лет, то белоручкой его тоже не назовешь. Выходит, в творчестве все относительно, и количество сотворенного – еще не главный показатель.

Передо мной лежит последняя (на сегодняшний день) книга моего давнего друга Дукенбая Досжана «Когда я умирал» (Астана, «Фолиант», 2009). Автор обозначил свои параметры: из-под пера писателя вышли 11 романов, 22 повести, свыше 100 рассказов. Книг его вышло на разных языках около 100. Общий тираж его изданных книг – 3,7 миллионов.

Достойные показатели, ничего не скажешь! А вот русскоязычный азербайджанец Чингиз Абдуллаев, который недавно отметил свое 50-летие (см. «Лит.газету», №16, апрель 2009 г.), в московском издательстве «Эксмо» издает собрание сочинений в... 150 томах (34 тома уже увидели свет). Другое московское издательство – «АСТ» – издало его 70-томник. Что тут скажешь? Только рот разинешь от удивления. Он написал 100 романов и повестей и намерен догнать Жоржа Сименона, написавшего, как известно, 300(!) романов. «У меня уже более 1000 книг (тысячи!), изданных на 27 языках мира, – говорит Чингиз Абдуллаев. – Тираж 23 млн. 700 тысяч экземпляров». Значит, его читают, на него есть спрос, он лауреат многих иностранных премий. В интервью «ЛГ» он приводит фразу А.Рыбакова: «Чтобы написать – нужно писать».

Такую продуктивность, плодovitость Чингиз Абдуллаев считает нормальной. Если ежедневно писать по 10–20–30 страниц, сколько же получится за год?

А мне в этой связи вспоминается классик казахской литературы, стилист-эстет Габит Мусрепов. Я немного общался с ним, переводил кое-какие его вещи, бывал у него дома. Он подолгу, не торопясь, искусно, умело натачивал перочинным ножичком и бритвами карандаши, медленно, со вкусом выводил на бумаге обдуманную фразу, вглядывался в нее, резинкой стирал неудачное, на его взгляд, слово, вписывал в это место другое, опять стирал, опять вписывал и, ювелирно отделав фразу, приступал к следующему предложению. В дневниковых записях он замечает, что за весь день написал таким образом неполную страничку, в которой последние два предложения, по его мнению, вышли не совсем удачно.

Работая бок о бок сорок лет с А. Нурпеисовым, я видел, как мучительно строил он слово за словом свои строки. А уж переписывание было его неистребимой страстью. Он всегда больше переписывал, чем писал. И, раздраженный этой его манерой, я порой язвил: «Вы улучшаете в сторону ухудшения». После тринадцатого, кажется, переиздания трилогии «Кровь и пот» он, в сотенный раз перечитывая свое любимое творение, приговаривал: «Эх, если бы это основательно отредактировать, получилось бы великолепное произведение».

Да, разные писатели работают по-разному. Один за всю жизнь написал одну-единственную «Марсельезу», другой в 50 лет выдает на гора собрание сочинений в 150 томов.